

Три копейки

(“Gudok”, 3/9/1924)

Старший стрелочник станции Орехово явился получать свое жалованье.

Плательщик щелкнул на счетах и сказал ему так:

- Жалованье: вам причитается - 25 р. 80 к. (шелк!). Кредит в ТПО с вас 12 р. 50 к. (шелк!). "Гудок" - 65 коп. (шелк). Кредит Москвошвей - 12 р. 50 к. На школу - 12 коп.

Итого вам причитается на руки... (шелк! шелк!) Т-р-и к-о-п-е-й-к-и. По-лу-чи-те.

Стрелочник покачнулся, но не упал, потому что сзади него вырос хвост.

- Вам чего? - спросил стрелочник, поворачиваясь.

- Я - МОПР, - сказал первый.

- Я - друг детей, - сказал второй.

- Я - касса взаимопомощи, - третий.

- Я - профсоюз, - четвертый.

- Я - Доброхим, - пятый.

- Я - Доброфлот, - шестой.

- Тэк-с, - сказал стрелочник. - Вот, братцы, три копейки, берите и делите, как хотите. И тут он увидал еще одного.

- Чего? - спросил стрелочник коротко.

- На знамя, - ответил коротко спрошенный. Стрелочник снял одежду и сказал:

- Только сами сшейте, а сапоги - жене.

И еще один был.

- На бюст! - сказал еще один.

Голый стрелочник немного подумал, потом сказал:

- Берите, братцы, вместо бюста меня. Поставите на подоконник.

- Нельзя, - ответили ему, - вы - непохожий...

- Ну, тогда как хотите, - ответил стрелочник и вышел.

- Куда ты идешь голый? - спросили его.

- К скорому поезду, - ответил стрелочник.

- Куда ж поедешь в таком виде?

- Никуда я не поеду, - ответил стрелочник, - посижу до следующего месяца. Авось начнут вычитать по-человечески. Как указано в законе.

МОПР Международная организация помощи борцам революции

Доброхим Общество друзей химической обороны и промышленности

Доброфлот Добровольный флот После интервенции и гражданской войны многие суда оказались в других государствах под управлением эмигрантского руководства «Доброфлота». В 1922 г. «Добровольный флот» был возрожден в СССР. Советское правительство добивалось возвращения судов через суд.

(Столица в блокноте – журнал "Накануне" 1922-1923)

Х. КРАСНАЯ ПАЛОЧКА

Нет пагубнее заблуждения, как представить себе загадочную великую Москву 1923 года отпечатанной в одну краску.

Это спектр. Световые эффекты в ней поразительны. Контрасты – чудовищны. Дуньки и нищие (о, смерть моя – московские нищие! Родился нэп в лакированных ботинках, немедленно родился и тот страшный в дырах с гнусавым голосом и сел на всех перекрестках, заныл у подъездов, заковылял по переулкам), благой мат ископаемых извозчиков и бесшумное скольжение машин, сияющих лаком, афиши с мировыми именами... а в будке на Страстной площади торгует журналами, временно исполняя обязанности отлучившегося продавца, неграмотная баба!

Клянусь – неграмотная!

Я сам лично подошел к будке. Спросил "Россию", она мне подала "Корабль" (похож шрифт!). Не то. Бабка заметалась в будке. Подала другое. Не то.

– Да что вы, неграмотная?! (Это я иронически спросил.)

Но долой иронию, да здравствует отчаяние! Баба действительно неграмотная.

Москва – котел, – в нем варят новую жизнь. Это очень трудно. Самим приходится вариться. Среди Дунек и неграмотных рождается новый, пронизывающий все углы бытия, организационный скелет.

В отчаянии от бабы с "Кораблем" в руках, в отчаянии от зверских извозчиков, поминающих коллективную нашу мамашу, я кинулся в Столешников переулок и на скрещении его с Большой Дмитровской увидел этих самых извозчиков. На скрещении было, очевидно, какое-то препятствие. Вереница бородачей на козлах была неподвижна. Я был поражен. Почему же не гремит ругань? Почему не вырываются вперед пыльные извозчики?

Боже мой! Препятствие-то, препятствие... Только всего, что в руках у милиционера была красная палочка и он застыл, подняв ее вверх.

Но лица извозчиков! На них было сияние, как на Пасху.

И когда милиционер, пропустив трамвай и два автомобиля, махнул палочкой, прибавив уже несвойственное констэблям и шуцманам ласковое: "Давай!" – извозчики поехали так нежно и аккуратно, словно везли не здоровых москвичей, а тяжелораненых.

В порядке [...] дайте нам опоры точку, и мы сдвинем шар земной.